

КОТОРЫЙ

ЧАС

ВАДИМ ЧЕРНОВ,
СЕРГЕЙ БЕЛОВ

Вадим Чернов

Который час

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Чернов В.

Который час / В. Чернов — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715369-3

Пятикурсник факультета журналистики Денис Первухин выигрывает университетский конкурс на звание лучшего специалиста по PR (пиару). После успешной защиты диплома, во время турпоездки в Индию ему даром достаются необычные часы – старинные, что очевидно, но в то же время показывающие дату и время не на циферблате, а подобно современным электронным – цифрами. Подруга Дениса, незаурядная во всех отношениях девушка Зоя, которою главный герой покорен до страсти и страха одновременно, явно что-то знает о мистике этих часов. Однако события то ли сами, то ли по чьей-то воле разворачиваются таким образом, что Первухин проваливается во времени на тысячу лет назад и оказывается в древней Киевской Руси времен крещения ее князем Владимиром.

ISBN 978-0-88-715369-3

© Чернов В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	6
Сегодняшний час – точка отсчета	11
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вадим Чернов Сергей Белов **КОТОРЫЙ ЧАС** **психодрама**

Не ограниченная пространством и временем фантазмагория с произвольным изображением возможных событий тысячелетнего прошлого, протекающих, однако, параллельно с сегодняшним днем и мало чем от него отличающихся. Ибо технологии меняются, научно-технический прогресс ускоряется, общественные отношения совершенствуются, а вот сами люди...

Они были, есть и всегда будут – люди!

Если поглядеть на нас просто, по-житейски, мы находимся в положении пассажиров, попавших в крушение в длинном железнодорожном туннеле, и притом в таком месте, где уже не видно света начала, а свет конца настолько слаб, что взгляд то и дело ищет его и снова теряет, и даже в существовании начала и конца нельзя быть уверенным.

Франц Кафка

Пролог

Врата, наконец, открылись, и Модулятор человеческого сознания с прижизненным дипломом журналиста вежливым поклоном одетого в белые одежды привратника-апостола был приглашен внутрь:

– Идите, идите, уважаемый... Пока что уважаемый.

Модулятор от этих слов привратника даже затрясся:

– Эт-то поч-чему же «пока»?!

– Так суд ведь будет. Судебное следствие. Оно и решит – окончательный вердикт вынесет, можно ли уважаемым вас называть. Мы ведь тоже созданы маленькие, подневольные. Нам как начальство наше божественное скажет, и как оно со своими конкурентами, слугами Сатаны договорится, так мы и поступаем. Скажут уважать – будем уважать. Скажут проклясть – проклянем...

– А п-причем тут начальство? Присяжные ведь решать должны...

– Ну-у, уважаемый... Присяжные апостолы, конечно, вердикт вынесут, – привратник перешел на конспиративный шепот. – Но если профессиональных судей, – апостольский указательный палец ткнулся вверх, – он не устроит, то будет новое заседание суда с дублирующим составом присяжных апостолов, – палец вниз. – Если же и те не так, как нужно, решат, то есть еще резервный состав присяжных заседателей. Они, вообще, ручные... Так что руководство знает, как своего добиться. Фактически, оно и решит, уважать вас или нет.

– А поч-чему же сейчас, без вердикта суда я – уважаемый?

– Ну, уважаемый!.. Не можем же мы, не владея официальной информацией, предоставленной небесной пресс-службой и агентством по связям с общественностью преисподней, не получив команды сверху, изначально подвергать раба божьего недоверию и подозревать его в намеренных и злых умыслах и поступках. Мы ж цивилизованные духовные создания. Не варвары, не язычники какие-нибудь, ей-богу!.. Любим ближнего своего. По крайней мере, до окончательного решения руководства – любим. Так что вы пока уважаемый... Идите, вас ждут.

Модулятор вошел во врата и сразу же уткнулся в столб с большим количеством разноцветных знаков, на которых, подобно вокзальным или спортивным, были трафаретно отбиты схематические изображения сущностей указанных пунктов назначения. К примеру, солнечно-голубой с зелеными листиками указатель движения в «Райские кущи» был украшен стилизованными изображениями райской птицы и одухотворенно улыбающейся, подобно компьютерному «смайлику», рожицей. Отыскав ярко-красный, заранее вводящий в беспокойство указатель, Модулятор человеческого сознания увидел на нем две картинки с разных сторон надписи «Страшный суд»: спокойное бородатое лицо доброго, но строгого дедушки с нимбом и зловеще улыбающуюся, мрачную рогатую морду со свиным пятакom вместо носа и острой, кинжальной бородкой.

Как только Модулятор вышел на заданное направление, сама собой, словно ковровая дорожка, быстро разматалась тропинка и скрылась за холмом. Странник двинулся в путь и вскоре подошел к зданию с колоннами и охраняемой двумя статуями широкой лестницей, ведущей к массивным входным дверям. Черно-мраморное изваяние слева изображало какое-то адски злое существо со свирепым оскалом, огромными клыками в пасти и когтями на лапах. Лев не лев, сфинкс не сфинкс?... Одно было только понятно, что страшно будет к такому прокурору-обвинителю или, не дай бог, исполнителю-палачу попасть в зубы. Статуя справа – чистый ангел с крыльями из белого мрамора. Лицо ангела символизировало смиренное страдание, вытянутые вперед руки держали крест, и слезливые каменные глаза смотрели куда-то ввысь, несмотря на то, что здание Страшного суда и так уже было на небе. Вроде как выше некуда, подумал было у врат при разговоре с привратником-апостолом Модулятор челове-

ского сознания, но теперь понял, что ошибался. Он еще только в начале пути – так сказать, на старте, с которого можно уйти не только глубоко вниз, но и вверх, где уже заканчивается голубое небо, и начинается вечность минут и бесконечность километров. В каком направлении он двинется дальше, зависит теперь от решения суда.

В зале его усадили на отдельно стоящую лавку, настолько твердую и неудобную, что практически сразу у подсудимого заболела поясница. Он даже привстал, но двенадцать присяжных апостолов, среди которых Модулятор узнал и давешнего привратника, совершенно синхронно, как по команде, и по-судейски безапелляционно гаркнули в его сторону «Сесть!» и одновременно с командой махнули своей правой рукой. Несчастный подсудимый мгновенно повиновался.

«Как на многочасовой проповеди в православной церкви, – подумал он, – только наоборот. Даже если ноги болят, все равно там садиться нельзя. Да и некуда! Стой и переминайся. Страдай и мучайся. В муках, дескать, душа совершенствуется. Человеконенавистничество какое-то!.. Ну почему у нас всегда считается, что человеку должно быть плохо? Дескать, когда хорошо – тогда стыдно. Странно!..»

Но самым удивительным для него стало то, что оригиналы черта и ангела, мраморные копии которых встречали вступающих на лестницу Страшного суда, оказались как раз прокурором и адвокатом, но с совершенно неожиданным распределением юридических обязанностей: тот жуткий бесенок был защитником, а щемяще жалостливый ангел – обвинителем. Причем выражение морды первого и лица второго оставалось точно таким же, каким было исполнено в небесных скульптурах при входе во Дворец правосудия. С защитой и обвинением подсудимого познакомил старшина двенадцати присяжных апостолов.

– А судьи кто? – спросил его Модулятор человеческого сознания, указывая на два пустующих трона за огромным тысячелетним дубовым столом на подиуме во главе зала.

– Не обращайтесь внимания на их отсутствие в зале судебных заседаний, уважаемый пока подсудимый. Мы ведь не чужды новинок технологии, усиленной к тому же нашей исконной мистической составляющей... По залу развешаны веб-камеры и микрофоны, так что главные участники процесса, председательствующие на Страшном суде, все видят и слышат. А вопросы по ходу дела будут транслировать в реальном времени прямо на нужные ноутбуки: обвинения, защиты и мой – старшины присяжных заседателей. Ну что?... Приступим, пожалуй.

– Как скажите, – упавшим от переживания голосом едва проговорил Модулятор.

Старшина присяжных заседателей громко объявил о начале судебного следствия:

– Итак, господа присяжные заседатели, на сегодняшнем заседании Страшного суда по профессии слушается дело о квалификационной состоятельности, компетентности и порядочности раба божьего Журналиста, тире, вернее, дефис, Модулятора человеческого сознания. Прошу встать, Страшный суд на всех смотрит!

Присутствующие в зале встали и, приложив правую руку к левой стороне груди, по-консерваторски, с совершеннейшим академизмом пропели поразившую Журналиста своей длинной осанку суду и самим себе. Замолчали. Сели. Обвинитель изменил выражение лица со смиренного страдания на лукавую строгость и поднялся. Откуда-то из-под белых одежд достал листок бумаги, развернул и с выражением громко зачитал для всего зала:

– Клянусь всегда говорить и писать правду, только правду, одну лишь правду! Клянусь применять свое главное оружие – слово – только во благо людей! Клянусь не идти против совести, не идти на сговор, не предаваться конформизму под любым предлогом мнимой и реальной целесообразности! Клянусь игнорировать реальную или возможную цензуру и самоцензуру! Клянусь никого не предавать, не пресмыкаться перед сильными мира сего, не продаваться им, не предаваться раболепию и чинопочитанию, не подстраиваться под конъюнктуру, не бояться угроз и шантажа, во избежание которого клянусь вести образ жизни добропорядочного и высокоморального человека! Клянусь положить все свои силы и даже жизнь для про-

движения общества к более справедливому состоянию! Если же я нарушу эту клятву, то пусть пронзит меня в самое сердце всенародное презрение, и пусть огненный стыд в золу испепелит мою душу! – Обвинитель торжествующим взглядом обвел зал и остановил его на Модуляторе. – Ответьте, подсудимый, вам знаком этот текст?

– Да. Это Клятва Журналиста. Только после ее принятия университетские выпускники получают дипломы и лицензии для работы по специальности.

– И вы поставили подпись под этими словами?

– Разумеется.

– В таком случае, подсудимый, давайте в судебном следствии пройдемся прямо по порядку, по пунктам вашей профессиональной клятвы. Начнем с обязательства говорить и писать одну только правду...

Обвинителя перебил подскочивший как ошпаренный защитник:

– Протестую. Категорически протестую! Правда, в отличие от истины. – довольно расплывчатая философская категория, которую нельзя считать объективной, так как у каждого человека своя правда. Стало быть, правда – категория, скорее, субъективная. А мой подзащитный работал исключительно правдиво с его точки зрения.

– Ну допустим, – легко согласился с таким возражением ангел-обвинитель. – Но скажите, подсудимый, неужели за все время вашей журналистской практики, вы никогда не наступали «на горло своей правдивой песне» в сугубо объективном желании достичь мнимых или реальных личных материальных удобств? У обвинения есть неопровержимые доказательства (вы ведь в курсе, что Бог все видит!) того, что вы неоднократно шли на сделку со своей совестью при полном осознании греховности этого деяния в погоне за физическим комфортом.

– Протестую, – опять вскочил было бес-защитник но, взглянув в монитор ноутбука, сразу же протест снял.

– Ответьте, подсудимый, – обвинитель вцепился намертво. – Что вы чувствовали в момент совершения бессовестного поступка? Вам было все равно, вы испытывали душевные муки, а может вы радовались успеху в манипулировании людским сознанием и восхищались собственной находчивостью?

Журналист-Модулятор плаксиво захныкал:

– М-мне-е было с-стыдно!.. Но мне нужны были деньги. Я учился... Потом женился... Потом квартиру покупал... П-потом м-машину... Ы-ы-ы-а-а, – подсудимый рукавом размазал сопли под носом. – П-потом ребенок... Ы-ы-ы-а-а-а...

– Ага. Стыдно, стало быть, – обвинитель удовлетворенно смотрел на раскисшего Модулятора человеческого сознания. – Мне бы не хотелось, чтобы к моменту вынесения вердикта присяжными оказалось, что вы опять лжете про свой стыд при совершении профессиональных гнусностей. Ей-богу, не хотелось бы...

– Протестую! – снова возник защитник. – Такого рода сомнения обвинителя – это заведомое и не оправданное никакими фактами искажение презумпции невиновности.

Обвинитель вежливо согласился с защитником и продолжил допрос подсудимого:

– Расскажите теперь о ваших взаимоотношениях с официальными цензорами и о желании и способности обуздать цензора внутри себя самого. Удавалось ли вам обходить расставленные рогатки на пути к читателю-зрителю-слушателю? Удавалось ли обуздать собственного подсознательного ограничителя, который где-то там в мозгу, исходя из жизненной целесообразности и внешних обстоятельств, нудил и подзуживал: «Не надо говорить все, что знаешь. Опасно. С работы выгонят или, вообще, убьют. Не хочешь врать, тогда просто не договаривай... А здесь как раз наоборот все перевернуть можно, факты подтасовать. Выгодно будет. Не стоит начальство плохими новостями огорчать» и так далее и тому подобное?

– Протестую! – традиционно воскликнул бес-защитник. – Самоограничитель в попытках высказать объективную правду есть у всех журналистов в той стране. Они с молоком матери

впитывают страх и раболепие по отношению к действующей власти, вознесение которой на царство абсолютно не зависит от них, как и от всего другого народонаселения. Самоцензура у них – на генном уровне. А с такого рода заразой человек осознанно бороться не в силах. Для преодоления этого недуга нужны годы... десятилетия... века! Желание и возможность. Желание сейчас может и есть, а вот возможность их светское правосудие жестко ограничивает. Они все просто боятся попасть за правду в тюрьму!

– Ну, допустим...

– Не допустим, уважаемый обвинитель, а так и есть! И вы это не хуже меня знаете, ибо Бог все видит. Зачем же огульно обвинять человека и делать из него «стрелочника»!

– Хорошо, уважаемый защитник. Убедили... Но пусть подсудимый расскажет, насколько высокоморальным человеком и добропорядочным гражданином он был в земной жизни?

– Протестую! В безнравственном и даже преступном государстве невозможно быть его добропорядочным гражданином, ибо такое государство разжевывает, выплевывает, а иногда и проглатывает высокую мораль и нравственность как угрозу существованию самого такого государства.

– Тогда почему подсудимый не эмигрировал?! – взвился от собственной находчивости ангел-обвинитель. – Ответьте...

Журналист опять разнюнился:

– Как же я уехал бы? А семья? А мама-пенсионерка? А там куда?... Ведь никто не звал и не ждет... Стра-а-ашно было-о-о... Ы-ы-ы-а-а-а...

– Конечно, никто не звал и не ждет. Вы ведь, с позволения сказать, далеко не гений. Нельзя назвать вас ни кумиром, ни идиолом, ни властителем человеческих дум. А все потому, что правда для вас, я имею в виду настоящую правду, – это то, чем вы манипулировали. А людские сознания и души для вас – объекты модуляций. Грех это, подсудимый! Вы дошли уже до такой степени разложения, что при начальственном заказе на журналистский материал о ком-то или о чем-то уточняли, мол, как преподносить надо: хорошо или плохо. Не журналистика это, а самый что ни на есть низкопробный агитпроп. Да и в личной жизни вы были далеко не эталоном. Пили, курили, наркотиками баловались, в азартные игры играли. А уж в бытность свою телезвездой супружеская измена для вас стала чем-то само собой разумеющимся. И ведь не только ваша жена страдала... Скольких порядочных женщин, чужих жен, вы во грех ввели и соблазнили! Сколько крепких семейных союзов разрушили! А-а-а! Молчите! Хнычете! Вам сказать нечего!

– Протестую! Мой подзащитный – мужчина и поэтому полигамен. А то, что женщины падки на знаменитостей, в том числе популярных телеведущих, так это нельзя ставить ему в вину. Тем более что он, как правило, никогда не был инициатором адюльтера. Женщины, в том числе, как вы говорите, уважаемый ангел-обвинитель, и порядочные жены-матери сами его хотели. Они сами на него вешались. А нормальному молодому, здоровому мужчине, к тому же, не прошедшему монашеский постриг, в таких случаях довольно трудно сохранять целомудрие и верность единственной жене. Верность, к тому же, по моему бесовскому мнению, – это глубоко надуманная условность и пережиток давнишнего матриархата...

– Протестую! – возопил теперь уже обвинитель. – Я категорически протестую против навязывания присяжным дьявольского взгляда на мироустройство и оправдания таким способом грехов обвиняемого!

– Да ладно вам, – вполне миролюбиво отмахнулся бес-защитник. – Кто теперь без греха? Да и потом в профессиональном плане мой подзащитный был совсем даже неплох. Возможно, что он не гений и не властитель человеческих дум... Но бабы-то на него вешались! Сами его в профессиональном блюде обвиняете.

Ангел-обвинитель с гордым видом встал и возвысил голос:

– Я не утверждал и не утверждаю, что на него вешались ба... простите, его домогались женщины!

В этот момент поднялся старшина присяжных апостолов, получивший сигнал от судей на свой монитор:

– Пора, по мнению Высокого Суда, заканчивать следствие по делу и переходить к прениям сторон. Ведь защита итак достаточно высказалась в своих протестах и, надо полагать, не претендует на свой допрос подсудимого?

Защитник кивнул:

– Согласен.

– Тогда начнем. Обвинение, вам предоставляется слово.

– Я буду краток, ибо в процессе допроса своими ответами подсудимый, что называется, нараспашку раскрыл присяжным свою гнилую душу. Он наплевал на профессиональную Клятву Журналиста и растер этот Святой Документ ногой по асфальту. Он игнорировал... Скажу больше, изощренно насиловал все пункты сей Торжественной Присяги. Подсудимый обманывал людей, пользуясь полученными в университете профессиональными знаниями и навыками! Подсудимый превратил свое востребованное людьми ремесло в источник преступного личного благополучия. Причем благополучия извращенного, ибо грех был возведен подсудимым на икону. Греху он стал поклоняться и молиться на грех. Нет у него никаких оправданий и смягчающих обстоятельств. Я считаю, что присяжные заседатели должны признать его виновным по всем пунктам обвинения, а суд отправить его в соответствующий круг ада, лишив всяческого уважения. В преисподнюю его! В преисподнюю!.. Я кончил.

Обвинитель раскраснелся, сел, но продолжал тяжело, возмущенно дышать. Встал защитник.

– А за что, собственно, мы судим этого преставившегося человека?... Он что, делал что-то не так, как другие? Ах, он обязан был соблюдать все пункты своей Клятвы Журналиста!.. Но скажите на милость, соблюдая по полной программе хоть один пункт этого документа, можно ли в их земных условиях долго проработать по специальности журналиста? Ответ очевиден: нет! Уважаемый обвинитель предъявил моему подзащитному обвинение в искажении правды... Да попросту – во лжи!.. А подсудимый что, самостоятельный был журналист, писавший для самодостаточных и прибыльных изданий и вещавший с неподконтрольных службам безопасности телеканалов и радиостанций? Так не бывает! Так никогда не было и не будет! По крайней мере, пока существует сегодняшняя система вхождения во власть и сегодняшние способы реализации в миру властных полномочий. Да у них в Конституции записано в отдельной статье, что запрещена любая цензура!!! А на практике что?! Мой подзащитный конечно не святой... И свою долю вины он не только несет, он ее осознает. Посмотрите на него – он же плачет! Так неужели ж эти слезы – не святые слезы раскаяния?! Уважаемые присяжные заседатели, мой подзащитный – обычный земной человек. Давно известно, что «слаб человеце»... Нельзя его судить за его природу. Он сам себя достаточно ею наказал. Вернее сказать, сама совесть его наказала своими угрызениями. В рай его за его душевные муки от жизненных противоречий! С подтвержденным титулом «уважаемого человека». Все. Я кончил.

Сегодняшний час – точка отсчета

Глава 1

Оптимизм и энтузиазм

– Победителем в этой номинации... – Руки приглашенной «звезды» нервно дергаются, распечатывая обычный почтовый конверт. Зал притих в ожидании. Наконец, конверт разодран, заветная бумажка с фамилией счастливица извлечена и развернута. – Победителем в номинации «Самое нестандартное решение стандартного пиар-задания» становится... – Театральная пауза. – Денис Первухин!

Гром аплодисментов, словно взрыв вакуумной бомбы, проникает в каждый уголок зала, в каждую щелочку в стенах здания, с трудом выдерживающих этот жизнеутверждающий, оптимистичный натиск молодого энтузиазма без пяти минут дипломированных выпускников лучшего в стране ВУЗа. Они искренне радуются жизни. Они уверены в том, что все будет хорошо. Нет! Все будет просто отлично!

Университетский диплом открывает... Обязан открывать!.. все дороги, все пути и направления. Страна ждет их с нетерпением. Ей нужны их знания и умения, полученные с таким трудом в студенческой бессоннице и недоедании. В зубрежке и исследовании уже сделанных безусловных достижений земной цивилизации и в попытках сделать собственные, пусть даже порой пока наивные открытия на научных семинарах и коллоквиумах.

Завтрашние выпускники и сегодняшние студенты старших курсов в перехватывающем дыхании приступе любви и уважения друг к другу, в едином порыве безотчетного восторга приветствуют и поздравляют очередного победителя профессионального конкурса – Дениса Первухина. Вся молодежь в зале верит... Нет!.. она убеждена, что этот симпатичный, стройный парень найдет – уже нашел! – новые, никем еще не проторенные тропы в журналистике, пиаре, политехнологии и простой рекламе, ведущие к самым сокровенным, потаенным закоулкам человеческого сознания и подсознания и способные заставить человека реагировать должным, запланированным заранее, заказанным образом. Этот Первухин – уже настоящий профессионал! «По сеньке должна быть и шапка». Премию ему! Вакансию! Карьерный рост! Да здравствует поиск и внедрение новых нестандартных технологий! Даешь!!! Долой косность мышления и замыленность глаза! Ура!!!

Господи! Как жить-то хорошо! Какие приятные люди вокруг!

Актный зал университета тонет в водопадных струях аплодисментов, пока победитель идет через весь зал на сцену за наградой и официальными поздравлениями старших товарищей. За славой и перспективой.

– Вот он! Вот наш новый гений пиара, – радостно орет в микрофон «звезда» телеэфира – известный всей стране, обласканный властью журналист-магнат и, профессионально улыбаясь, делает несколько шагов навстречу Первухину, улыбающемуся совершенно искренне.

Для него победа желанна и ожидаема. Денис еще в процессе первых практических занятий не раз слышал от молодого преподавателя, что «сам Бог его в темечко поцеловал» и надо, мол, этот дар всячески развивать и совершенствовать. Нельзя сказать, что Денис именно так, целенаправленно и прилежно, и учился. Но получаться-то все же получалось, доказательством чему его сегодняшний триумф. Он – лучший пиарщик университета! Это вам не хрен огородный. Ведь не однокурсники-собутыльники выбирали, а самое настоящее профессиональное жюри из числа профессорско-преподавательского состава и действующих, самых авторитетных и влиятельных копирайтеров современности, в том числе, и не наших. Более того, в конкурсе

«Лучший по профессии» могли участвовать не «образцово-выставочные» материалы «ручной сборки», а только «серийные» из числа уже опубликованных на страницах популярных изданий, причем именно в первоначальной редакции, безо всякой дополнительной «предпродажной подготовки». Их отбирал специальный ареопаг при жюри, самым младшим по званию в котором был кандидат наук, а по должности – доцент.

– Подавляющим большинством голосов жюри Денис Первухин назван победителем в этой самой нужной, самой востребованной, самой высокооплачиваемой (а это, согласитесь, очень важно!) профессиональной номинации, – телезвезда умело подстраивалась под аудиторию и привычно тарыхтела на потребу толпы – сама пиарилась. Но развернуться на полную катушку и подменить собой целое мероприятие телезвезде не дал ректор университета, не так давно выпускавший ее из стен своей альма-матер и знавший о заурядности, бездарности и искусственной (пиаровской!) раздутости этой персоны, ежедневно радовавшей своей передачей безмозглых домохозяек и считавшей сумму гонорара главным мерилom профессиональной состоятельности, причем вне зависимости от статуса заказчика и концепции продукта.

Ректор на правах руководителя с лучезарной улыбкой шепнул говорливому телеведущему:

– Не превращай молитву в фарс. Отдай микрофон и отойди в сторонку. – И тут же громко, в расчете на всех своих студентов и коллег. – Денис! Подходи поближе, дорогой. Поздравляю! От имени всех членов судейской коллегии. От имени всех здесь присутствующих.

Ректор обнял смущенного такой непривычной торжественностью Первухина, чмокнул того в выбритую щеку и вручил ему сверкающую статуэтку – символ достигнутого профессионального мастерства. Затем взял Дениса за руку и поднял ее вверх по боксерскому примеру. Зал снова взорвался аплодисментами. Дабы сохранить лицо, аплодировал в сторонке и грубо, хотя и почти незаметно для других (спасибо ректорской воспитанности!), отставленный популярный телеведущий. Его рот по телевизионной привычке был растянут в улыбке, но глаза оставались злыми и обиженными, даже когда оператор брал его крупный план. Давненько его так, как только что ректор, не унижали. Он уже совсем было привык, что он – это аудитория, это рейтинг, это цена рекламной минуты... С него все должны пыль сдвигать и на цыпочках перед ним ходить. А тут!.. Этот старый пень – ректор! Он, сука, никогда его не любил и не ценил... Впрочем, народ оценил! А народ по определению всегда прав! Так-то, папаша!..

А «папаша», меж тем, снова заговорил в микрофон, обращаясь к успокоившемуся залу:

– Я, дорогие мои, решился открыть вам один секрет, – ректор снова взял Дениса за руку. – Я недавно ознакомился с дипломной работой этого молодого человека... Вы ведь все прекрасно знаете о моей личной старинной дружбе с его деканом... – Одобрительный смех и гул в зале. – Руководителем его дипломной работы... Так вот... Основная в ней, как вы говорите, господа студенты и дипломники, «фишка»... – Снова одобрительные приветствия аудитории. – Это все тот же, празднуемый сегодня нестандартный подход. Можно сказать, первухинское ноу-хау! Если в деталях... Вы позволите, Денис? В общем, это реальный пиар действующей крупнейшей компании. Скелетом всей конструкции является доказательство моральной чистоплотности, высокой надежности, бескорыстия и порядочности персонала компании. В основе доказательства лежит, вернее, висит на стенке, ха-ха, заправленное в рамку «Благодарственное письмо» директору компании из райотдела внутренних дел, цитирую, «за бескорыстную помощь в задержании уличного грабителя, напавшего на пожилую женщину-инвалида и вырвавшего у нее из рук сумку с остатками пенсии». Вот так! Блестящая находка! Учитесь, коллеги! Еще раз поздравляю, Денис! Успехов тебе, дорогой!

И ректор теперь уже не стал обниматься, а ограничился простым рукопожатием – довольно крепким и искренним. Первухин даже грешным делом подумал о том, что стал ректорским протеже в предстоящем выгодном (хотелось бы!) трудоустройстве...

Других-то «толкачей» в жизни у Первухина не было. Но зря он так подумал. Ректор был просто увлекающийся собственным благодушием человек. К тому же таких как Первухин, у него целый университет.

Глава 2

Раскрытие талантов

– Ни черта ты не шарить, Первуха! Тебя эти клоуны из глянцевого журнала захвалили, вот ты и повелся. Ну что ты там будешь делать? Статейки кропать? А дальше что? Где перспектива? Где «светлое будущее»?

– Там гонорары высокие. И кстати, насчет перспективы тоже все окей – начальница молодежного отдела скоро на пенсию свалит.

– С таких мест только на кладбище уходят.

– Посмотрим. А у тебя что? С «Экономической газетой» склеилось?

– Эге, хлопчик, бери выше! Папашик пропихнул меня в одну фирму. На чем они «капусту рубят», я пока не в курсе, но с нефтью связано. Так вот, буду у них пресс-секретарем.

– Ну и в чем прикол?

– Епыть! Ты че, дядя?! Нефть!

– Так ты же не нефтемагнатом будешь, а всего лишь его... пресс-секретарем.

Денис чуть было не назвал товарища лакеем, но, слава богу, удержался. Но тот, похоже, что-то оскорбительное все же уловил.

– По фигу! Мне мал-мал тоже достанется...

Собеседники докурили сигареты и вошли в банкетный зал кафе, расположенного в одном из переулков центра Москвы. Здесь четвертая группа факультета журналистики после официальной части отмечала получение дипломов. Были приглашены и трое наиболее любимых преподавателей. Вчерашние студенты, только-только ощутившие вкус взрослой жизни, веселились с необычайным азартом. Было выпито много водки и первоначальное стеснение перед педагогами ушло. Официанты снисходительно поглядывали на гуляющую молодежь, но свои обязанности выполняли исправно.

Двое вошедших сели на свои места. К ним подошел хорошо поддатый богатырского сложения рыжий парень. Его нос-картошка от спиртного приобрел бурый цвет, а маленькие мышинные глазки слезились от наплыва чувств.

– Ребята! Все, пропала наша четвертая группа! Разъедемся завтра и может быть потом и не увидимся, – пьяно кричал здоровяк. – Эх, пацаны! Пять лет! Пять лет! Денис, Паша, давайте выпьем! За вас, за меня, за всех нас!

Он чокнулся с одноклассниками и лихо опрокинул содержимое стопки в рот.

– Ух! Хороша!.. Я слышал, Паша, ты в «Экономическую газету» идешь. Рад за тебя.

– Ваня, ни в какую газету, а тем более «Экономическую», я не иду. Работать буду в коммерческой фирме.

– Как?! А для чего же пять лет? А... а призвание?

– Вот тебе и «а», – сказал Паша и засмеялся. – Сам-то где пристроился?

– В «Таежном рабочем».

– Вот это тебя торкнуло! – воскликнул Денис. – Это где ж такое выпускают? Где-то рядом с Северным полюсом?

– Иркутская область, город Таежинск, – хмуро ответил Иван.

– А газета, наверное, рукописная? Ха-ха-ха, – засмеялся Паша.

– Почему это «рукописная»? – обиженно спросил Иван.

– Туда же электричество еще не дотянули. Ха-ха-ха!

– Да ну вас! – верзила махнул рукой и, слегка покачиваясь, отошел.

– Вот дебил! – сказал Паша и налил себе еще водки.

– Зря ты. Он парень хороший, – возразил Денис, – армию отслужил, на подготовительном отделении год мучился. Ему все в жизни тяжело достается, а он все равно прет! Молодец!

– Так чего ж он все, что тяжело ему достается, так низко ценит?! На кой хрен ему та Сибирь? Специалист с университетским образованием мог бы и в столице пристроиться. На крайняк, в Питере. Дебил!

– А помнишь, мы практику в Тамбовской области в многотиражке проходили?

– Помню. Ну и что?

– Когда с местными драка была?

– Ну?...

– Так именно Ваня нас тогда и спас – разогнал этих уродов «синих»!

– Родился здоровым, силу же надо куда-то девать, – неуверенно ответил Паша.

В зале убавили музыку. Разговоры утихли. Со своего места поднялся семидесятилетний профессор кафедры теории журналистики Александр Иванович Прошин. Этого доброго старика любили все студенты. Он не заискивал перед ними, но и строгостью особой не отличался. Его спокойная уравновешенная речь на лекциях и семинарах урезонивала даже самых строптивых студентов.

Александр Иванович, слегка откашлявшись, заговорил, заметно стараясь, чтобы его речь не звучала, как на лекции:

– Дорогие мои ребята! Можно много говорить о том важнейшем этапе вашей жизни, который вы только что завершили... Возможно, уместным было бы поразглагольствовать о тех перспективах, которые перед вами открываются... Но я не буду этого делать. Я хотел бы сказать другое... Много на Земле хороших профессий и нужных ремесел, но вы выбрали именно журналистику. Люди сторонние думают, что она увлекательна, романтична, порой авантюрна и дает безграничные возможности для творчества. Но это только сладкая оболочка горькой пилюли. Конечно же, очень хорошо уметь находить в своем деле перечисленные выше качества и получать от них удовольствие. Но во много раз важнее чистым взглядом наблюдать за окружающим миром, за разными людьми. Умение понять насущные вопросы общества и попытаться повлиять на правильность их решений – вот основа журналистского дела. Вам даны умение и возможность вмешиваться в общественное сознание. Но с вас и спрос большой – вы ответственны перед своим народом, перед его будущим! Именно вы должны вести людей к более гармоничному устройству их взаимоотношений, к повышению социальной ответственности и духовному совершенству. Вам наверняка мои слова покажутся чрезмерно пафосными. Может быть... Может быть... Но кто, если не вы?!

Паша склонил голову к Денису и тихо сказал:

– Опять Проша погнал. Старый, ведь, уже. Пора бы и к реальности приспособиться.

– Пусть выговорится. Ему всю жизнь голову «светлым будущим» морочили, а он так и живет в «хрущобе». Взятки не берет... И даже подарков.

На ребят цыкнули соседи, и они замолчали.

– Бейтесь, дорогие мои ребята, за независимость! За независимость средств массовой информации. Только в том случае, если пресса будет свободной, возможно согласие в обществе, возможна справедливость и мирное сосуществование различных групп людей. Ни на секунду не забывайте о своей великой миссии. И да поможет вам бог! Давайте выпьем за вас, за ваше будущее, за ваш светлый жизненный путь!

Вчерашние студенты весело зазвенели рюмками, задвигали стульями, недружно крикнули «Ура!» и подались все к Александру Ивановичу, чтобы короткими фразами сказать, как они его любят. Старик от нахлынувших чувств прослезился. Его заставили выпить еще рюмку водки, и он слегка успокоился.

Банкет медленно, но уверенно катился к своему завершению. Уже отправили на такси домой сильно захмелевших товарищей. Староста группы Олег Семенов, плохо переносивший алкоголь, оккупировал туалетную комнату и громко кричал через дверь, чтобы завтра не опаздывали на лекции. Рыжий здоровяк Ваня, вызывая на поединок по армрестлингу грузина Дато,

сбил со стола два бокала и блюдо с салатом. В зале стоял обычный шум окончания вечера – говоривших было гораздо больше, чем слушавших.

Денис Первухин, почувствовав себя скверно, поднялся со своего места и вышел из кафе. Его уход никто не заметил. На улице его встретила теплая июльская ночь. В голове шумело, и он решил немного пройтись. Мысли бессвязно крутились в голове.

«Гудит-то как башка! Зачем я столько выпил? Это все Пашка. Подливал, гад, постоянно... Ленка танцевать со мной не пошла. Ты, говорит, с Зоей встречаешься, я, типа, знаю. Ну и что тут такого? А как мы с ней после третьего курса в Анапу ездили! Ух! После третьего?! А сейчас – уже после пятого! Да... Кончилась, что ли, молодость?»

– Ни фиги! Не кончилась! Все только на-чи-на-ет-ся!

Стоящая возле дороги кучка таксистов, услышав шум, прервала свой оживленный разговор. К Денису подошел носатый кавказец и сказал:

– Давай, парэн, дамой атвэзу. Крычишь – полиция забэрет.

– Домой?... Давай домой.

Он сел в машину и сказал адрес.

«Ну так, вообще, нехило отдохнули... Чего только Проша с проповедями полез? «Социальная ответственность», «влияние на общественное сознание». Дичь это! Все гораздо проще. Я купил знания... Не-не, не так... Мне предки купили знания, и теперь я хочу их продать. Точнее, продать свой труд, умственный труд, основанный на купленных знаниях... Или... Тьфу ты! Запутался. Зачем я столько выпил?»

– Музыка нэ мешает? – спросил шофер.

Из динамиков неслась зажигательная лезгинка.

– Сделай потише. А то я домой точно не попаду, – сказал Денис, наблюдая за огнями ночной Москвы.

«Сегодня никаких ночных клубов. И это... О чем я? А, Проша... Короче... Главная задача – как можно дороже продать свой труд. Стандартная ситуация. А что конкретно мне делать, знают хозяева журнала и редактор. Вот так оно все просто получается, Александр Иванович».

Войдя домой, Денис обнаружил, что родители уже спят.

«Можно было бы и в «ночное» съездить... Ладно, пойду спать. Зачем же я столько выпил?»

Глава 3

Практика оценок

Солнечные лучи легко проникали сквозь оконные стекла и нещадно жарили не оборудованную сплит-системой квартиру Первухиных. Денис спал в своей комнате. Он лежал в кровати на спине, широко раскинув в стороны руки. Рядом на полу валялась его одежда. В углу комнаты стоял стол. Он весь, кроме мест для клавиатуры, мышки и монитора, была завален модными глянцевыми журналами. Эти издания весьма настойчиво и достаточно успешно внедряли в неокрепшие сознания молодых людей простую теорию мужского жизненного успеха – «бабки» и бабы. Надо заработать-выиграть-украсть как можно больше «бабок», чтобы с их помощью поиметь как можно больше баб. Впитав всю незатейливость этой философской конструкции, Первухин пронзительно понял, что он на этом пути пока форменный лишенец. Но те же журналы скоро его успокоили: все – решаемо!

Денис принял к сведению и руководству сладкоголосые песни современных искуителей, и у его родителей наступили тяжелые дни.

– Об учебе лучше бы думал, а не о тряпках! – вполне обоснованно заявлял отец.

– Мы в Москве живем, а не в Дальне-Грязинске каком-нибудь! Как мальчику по городу ходить, если у него современной одежды нет? – возражала мать.

Отец, что-то бурча под нос, уходил в свой кабинет. Он был ученым и отстаивал свою точку зрения только в научных спорах.

Когда большие напольные часы в зале пробили десять раз, Валентина Игоревна, мать Дениса, зашла в его комнату.

Она слегка потрепала сына по плечу. Тот недовольно крикнул и повернулся на бок. Мать вновь толкнула его – на этот раз сильнее.

– Вставай, сынок. У меня для тебя приятный сюрприз.

Денис слегка приоткрыл глаза и повернулся к матери.

– Е-мое! Хоть бы выспаться дали.

– Сынок...

– Ну что, ма-ам?! Мне на лекции не надо уже, а на работу не надо еще!.. Сейчас как следует поспать – в самый раз, – сказал Денис и, широко зевнув и потянувшись, встал с постели.

– Так время уже десять, я думала, ты выспался.

– Выспался бы, сам бы встал!.. Ладно... Давай свой сюрприз, – недовольно пробурчал Денис, лениво натягивая брюки.

– Сейчас, сейчас! – засуетилась мать. – Я только отца позову.

Она торопливо вышла из комнаты и через пару минут вернулась с Дмитрием Прокофьевичем, отцом Дениса.

– Во-от!.. Дима, может быть ты скажешь? – смущенно проговорила Валентина Игоревна.

– Кхе-кхе... Денис, мы с мамой очень рады тому, что ты окончил университет и получил диплом. Теперь, сын, перед тобой открыты все двери...

«Проша, и тот про «двери» промолчал... Говорить отец будет долго. Упарит! И в конце подарит мне какой-нибудь галстук. Хорошо, если просто новый. А то может и тот, который носил один из моих знаменитых предков. Тогда уж точно пипец – придется его показательно на шею наматывать хоть иногда... Та-ак... Надо бы эту семейную «обязательную программу» как-нибудь побыстрее закруглять».

– ...Честно трудиться на благо народа – это счастье для каждого гражданина нашей великой страны...

– «Честно трудиться»? Что ты под этим подразумеваешь, папа?

– Как что?!

– Вот именно – что? Ты, например, всю свою жизнь двигал теоретическую физику. Одними дипломами «за выдающиеся достижения» можно не только сортир, но и весь дом обклеить. А что толку? Кроме квартиры, которая и то от деда досталась, и нет-то ничего. Машина-старушка и только...

– Да как ты можешь?!

– А вот Леша-сосед, для которого «тюрьма – дом родной», сейчас «в шоколаде». Как перестройка началась, он в разные газеты объявления поместил: мать-одиночка, мол, имеющая пятерых детей, умирает с голоду. Пришлите, кто сколько сможет по адресу: Москва, до востребования, Крюкову. Через два месяца у него уже был капитал, на который он открыл видеосалон. Далее...

– Твой Крюков – жулик!

– Так вот этот жулик имеет сейчас три квартиры в центре, дом на Рублевке...

– Ну и что?! Совесть его нечиста, жизнь свою он искалечил...

– Плевать он хотел на совесть.

– А ты? Ты тоже хотел плевать?! – у Дмитрия Прокофьевича на щеках появились красные пятна.

– Дима!.. Дима, не нервничай! У тебя давление... Я схожу за лекарством, – озаботилась Валентина Игоревна и вышла из комнаты.

– Да успокойся ты, папа. Барыгой я быть не собираюсь. Торгашеская вся эта фигня мне самому не нравится. Но и без «бабок» на свете как-то невесело...

– О чем ты думаешь! Ты же окончил факультет журналистики!!! Можно же многое сделать для людей...

– О, это я вчера уже слышал.

В комнату неспешной походкой вошел черный, как уголь, кот. Его, еще маленького и беззащитного, три года назад подобрал на улице Денис. Кот громко мяукнул, возвещая о своем приходе, и по-хозяйски запрыгнул на кровать. Там он деловито разлегся и вопросительно посмотрел на Дениса: в чем дело, дескать?

Появление кота несколько разрядило обстановку.

– Деньги придут со временем... Москва не сразу строилась, – уже спокойным тоном сказал Дмитрий Прокофьевич.

Вошла Валентина Игоревна. Она заставила мужа выпить лекарство и обратилась к Денису:

– Сынок, вы спорить начали, и до главного-то мы не дошли... За успешное окончание университета мы с отцом дарим тебе туристическую путевку!

Денис погладил кота и с иронией спросил:

– В Питер, небось? Петродворец я уже видел.

– Нет. В Индию!

– Опа! Серьезно?! Ну вы даете!.. Спасибо, родители.

Денис обнял отца и мать.

– Но почему именно в Индию? – Индия – древнейшая цивилизация...

– Она так, по-моему, ею и осталась... Но Индия так Индия! С чего-то же надо начинать...

Глава 4

Беспокойное сердце

Денис поднял трубку телефона, одолеваемый восторженным желанием похвастаться. На другом конце провода ответить должна была его «официальная» девушка Зоя. Та самая, на которую кивала на банкете злюка Ленка, отказывая ему в коротком, галопом – на бегу, сеансе телесной радости где-нибудь в ресторанном закутке или туалете. Денис однако совершенно не разозлился на свою несостоявшуюся партнершу по экстремальному «общепитовскому» сексу, он вообще о ней скоро забыл, словно ее и не было вовсе ни до, ни во время, ни после. Она ему была безразлична, и спонтанно возникшее желание было мелким, одноразовым и объяснялось просто: юный возраст плюс соответствующий гормональный взрыв, простимулированный общим позитивным пьяным подъемом.

Совсем другое дело – Зоя. Она, в некотором роде, была подвигом Дениса, который «полез в воду, совершенно не зная брода». Зоя была студенткой вечернего отделения философского факультета, что само по себе уже интересно, ибо философия как первое высшее, базовое образование для девушки – это редкость. Особенно если девушка красивая. Факт ее привлекательности был настоящей аксиомой и не то что не оспаривался, а даже и не обсуждался в мужской среде. Барышня была высокой, стройной, длинноногой брюнеткой. Смуглая, почти как у мулатки, кожа; черные брови вразлет, словно распахнутые крылья гордой хищной птицы; густые волнистые, темно-каштановые, даже черные при слабом свете волосы, не знавшие ни капли искусственной краски; едва и только в тесной любовной близости различимый, сексуальный пушок над краями верхней губы. Кстати, рот совершенно не был чувственно-порочным, губы были скорее узкие, чем полные. Но при одном только взгляде на них становилось понятно, что Создатель, кем бы он ни был – Богом или Дьяволом, – это самый лучший стилист, визажист, дизайнер и еще кто угодно в современной терминологии. Именно такие, узковатые и злые, губы должны были быть на этом лице с точки зрения классической эстетики. А эстетика – она потоньше и поизощренней, чем тупая и прямолинейная сексуальность, насильно внедряемая в читательское либидо глянцевыми журналами, кои пользовались успехом у Дениса Первухина. Правда, пользовались-то пользовались, но, похоже, не на сто процентов! Молодой человек, будучи под всепроникающим влиянием университетской интеллектуальной среды, все-таки мог отличить индивидуальность от стандарта, давно принятого неким импотентом-гомосексуалистом, и с тех пор почему-то почитаемого многими нормальными людьми. Денис прямо-таки на животном уровне видел, слышал, понимал и чувствовал, что Зоя – не кукла безмозглая, с которой и поговорить-то не о чем. Она – настоящая, живая, умная, красивая и сильная. Вероятно, даже сильнее, чем он. Но главное – то, что она его любит, хоть и не говорит никогда этих слов, даже в минуты их самого страстного пикового общения. И когда он, тяжело дыша, пристаёт к ней с расспросами, прямо-таки вытаскивая из нее желанное признание, она всегда смеется, трогательно морщит свой игрушечный носик и отворачивается, стараясь не смотреть ему в глаза, даже если вокруг сплошная темнота. Но парню очень хотелось верить в ее к нему любовь! Он уже понимал, что ему будет очень больно, если вдруг ее любовь окажется химерой, а он сам – игрушкой. И дело даже не в мужском самолюбии, когда женщина может служить игрушкой, но наоборот – ни в коем случае!.. Не в этом была суть переживаний. Становилось ясно, что мальчик по-настоящему влюбился. Прикипел всей душой, всем сердцем, словно она его приворожила, привязала его к себе незримыми нитями, прочность которых крепчает с каждым днем. Это состояние начинало пугать Дениса. Он даже несколько раз изменял своей Зое с разными девками, чтобы облегчить эту роковую привязанность. Но!.. Не отпускало. Первухин впал в полную зависимость от нее – от ее настроения, ее голоса, смеха, жестов, стонов, истерик. Он понимал: она ему нужна! Без нее никак. Он все чаще говорил ей про свою любовь и

просил (даже уже требовал!) ее признания. А она по-прежнему смешно морщила свой немного картофельный носик и отворачивалась, мол, чего тебе не хватает, дурачок, я же с тобой.

От такого ее отношения Денис все больше и больше нервничал, злился на весь белый свет и пару раз устроил ей по пьяни настоящий скандал на тему беспричинной, но осознанной ревности, чем довел Зою до слез, а потом, протрезвев, долго и сопливо извинялся. Кроме того, когда ему под руку подворачивалась случайная партнерша, то он с ней не любовью занимался – он ту фактически насиловал, бедную. И, главное, в это момент со злорадством представлял Зоины глаза и думал: «Вот тебе! Вот так! Так! Так!...» Удивительно было то, что глаза любовницы ему толком представить не удалось ни разу. Это при том, что глаза Зои – это самая яркая и незабываемая деталь ее внешности (хотя разве можно их называть деталью!). Миндалевидные, расположенные под крыльями летящих бровей, влажные, с поволокой, грустные и озорные, веселые и хитрые. Но главное, безупречно зеленого цвета! Ей-ей, чистый изумруд... Редчайший случай. В эти глаза можно смотреть бесконечно, тем более, что они имеют обыкновенное редко моргать. Во всяком случае, когда смотрят в глаза кому-то другому. Денис сразу обратил на это внимание и не переставал удивляться.

Короче говоря, роковая женщина – классический вариант. Тем удивительнее, что она согласилась с его ухаживаниями и с радостью их принимала, будучи женщиной одного из бывших бандитов, теперь водочного купца районного масштаба. Этот кусок мяса возил ее обедать по ресторанам, купил ей «Лексус», регулярно дарил цветы и, вообще, считал ее своей «гражданской женой». Он, узнав ее как следует, стал бояться и всерьез подумывал о венчании. Именно о венчании, хотя сам носил нательный крестик, точнее, крест – крестище с бриллиантами, только лишь по привычке, отдавая дань тупой бандитско-купеческой моде. Он понимал, что она его не боится и не будет бояться, даже когда он в приступе звериной своей сути начнет, не дай бог, рвать ее на куски. Он подсознательно понимал, что не он ее, а она его бросит рано или поздно. И никакими деньгами, никакой властью этого не изменить, ибо нет у него власти над ней. Над другими есть, а над ней – нет. Нету! Кошка гуляет сама по себе... И когда Зоя у себя дома выбросила из вазы его дорожный букет и вместо него поставила другой, первухинский, а потом спокойно объявила ему об этом, добавив, что он ей надоел своей тупостью и разговорами о «бабках», пусть забирает свою машину и зубную щетку – она другого любит, бывший бандит закатал и закусил в обиде губу и уехал домой, где начал в ярости бить посуду и аппаратуру, ломать мебель, палить в окна из пистолета, устроил истерику и пытался резать вены. Он даже не подумал о мести сопернику. Он, как зверь, чувствовал, что не коварный соблазнитель виноват, а простой ее каприз, желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.